

МИХАИЛ ВАХА

ДИСТРИБУЦИЯ ДАТЕЛЬНОГО ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО, КОНСТРУКЦИИ „У + РОДИТЕЛЬНЫЙ“ И РОДИТЕЛЬНОГО ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как указывает Р. Зимек,¹ значение посессивности в русском и чешском языках выражается при помощи разнообразных (лексических, лексико-грамматических и грамматических) средств. Настоящая статья затрагивает вопрос дистрибуции трех русских конструкций, способных передавать один из наиболее четко выделяющихся оттенков посессивности — обладание. Мы имеем в виду

1. дательный притяжательный, напр. *Мать пожала сыну руку;*
2. родительный притяжательный, напр. *Врач нащупал пульс больного,* и его эквиваленты — притяжательное местоимение (*Лицо его покраснело*) и притяжательное прилагательное (*Сердце Дашино забилося*);²
3. конструкцию „у + родительный“, напр. *Какая-то мысль мелькнула у него в голове.*

Отношение обладания, выражаемое всеми этими конструкциями, в приведенных примерах направлено на т. наз. неотчуждаемые субстанции (части живого организма, телесные и душевные качества). Это не значит, что исследуемые конструкции могут применяться исключительно в сочетании с названием неотчуждаемых субстанций, однако именно в этой позиции соприкасаются сферы их применения и, следовательно, нуждаются в функциональном размежевании. Сходство между рассматриваемыми конструкциями наблюдается не только в выражении одного и того же отношения денотата (т. е. обладания), но и в способе его выражения: обладателя обозначает детерминирующий член сочетания, напр. *пожала руку сыну, пульс больного, у него в голове,* а „предмет“ обладания выражен господствующим членом сочетания.

Как дательный притяжательный, так и конструкция „у + родительный“ в рассматриваемых сочетаниях могут быть заменены родительным притяжательным:

Мать пожала сыну руку → *Мать пожала руку сына;*

Какая-то мысль мелькнула у него в голове → *Какая-то мысль мелькнула в его голове.*

Однако чисто синонимических средств в языке не бывает, и мы попытаемся выяснить, в чем именно состоят различия между отдельными конструкциями. Это тем более важно, что — невзирая на заменимость дательного

¹ R. Zimek, *K chápání posesivnosti*, Rusko-české studie, Praha 1960, стр. 131—156.

² Различия между отдельными языковыми средствами, выражающими атрибутивную посессивность, приводятся в указанном сочинении, стр. 145 и след.

притяжательного и предлога *у* + родительный родительным притяжательным — первые две конструкции не поддаются замене друг другом. (Мы оставляем пока в стороне редкие исключения, как напр. *Он поцеловал ей руку || ее руку || у нее руку*.)

Особый интерес указанная проблема представляет для чешских говорящих, поскольку — отчасти вследствие отсутствия конструкции „у + родительный“ — диапазон чешского дательного притяжательного значительно шире русского. Ср. *Chvěly se mu ruce* × *У него дрожали руки*; *Na čele se mu objevily vrásky* × *На лбу у него появились морщины*.

Наш анализ производится с точки зрения русской микросистемы грамматических посессивных средств, однако отбор материала проводился сквозь призму чешского языка: в статье подвергаются исследованию те русские конструкции, эквивалентом которых в чешском языке является дательный притяжательный. Работа не претендует на полноту изложения, а стремится лишь к выявлению тенденций, действующих в данной области.

Дательный притяжательный

Как мы показывали раньше,³ основным значением русского дательного мы считаем выражение действительного или предполагаемого обладателя признака или субстанции. Обладание признаком (у дательного приглагольного — актуализированным, у дательного приаъективного — неактуализированным) является первичным; обладание субстанцией зависит от обладания признаком.⁴ Так в приведенном примере *Мать пожала сыну руку* обладатель (*сын*) актуализированного признака, т. е. глагольного действия (*пожала*) в то же время является и обладателем субстанции (*рука*), причем первичным является обладание действием, а обладание субстанцией — необходимым его дополнением. В этом и есть сущность дательного притяжательного.⁵

Дательный притяжательный выражает одновременно обладателя глагольного действия и субстанции. Он допускает — по крайней мере, теоретически — альтернативы с родительным притяжательным, а в исключительных случаях — с конструкцией „у + родительный“. Он не чисто приглагольный и не чисто применный падеж, а диффузно зависимый.⁶ Словосочетания с дательным притяжательным являются трехчленными, причем в состав их входят названия 1. обладателя, 2. предмета обладания и 3. действия глагола. Несмотря на то, что дательный притяжательный принято относить к семантическим падежам, т. е. не „требуемым“ господствующим членом, он не является вполне „свободным падежом“, так как все три

³ Ср. неопубликованную кандидатскую диссертацию: М. Vácha, *Funkce dativu prostého v ruštině*, FF UJEP, Brno 1972, стр. 14.

⁴ Слово „обладатель“ (*majitel*) позволяет свести воедино термины агент и пациент, а также адресат и перцепиент. Оно заимствовано у Э. Паулини. См. E. Pauliny, *Štruktúra slovenského slovesa*, Bratislava 1943, стр. 37.

⁵ Следовательно, посессивность в узком смысле (т. е. обладание) выражается русским дательным притяжательным лишь попутно. Определяющее значение имеет выражение посессивности в широком смысле, т. е. в данном случае — соотнесенности „обладателя“ с действием глагола.

⁶ Термин заимствован из работы Р. Мразека, *K problémům strukturní syntagmatiky*, SPFFBU 1967, A 15, стр. 97—110.

составные части соответствующих словосочетаний подлежат определенным лексическим ограничениям.

1. Обладателем субстанции является, как правило, живое существо. Поэтому дательный падеж, первично выражающий одушевленные субстанции, особенно пригоден для его обозначения. Кроме того, отличительной чертой дательного притяжательного является имплицитное выражение ощущения (перцепции) глагольного действия. А воспринимателем его (перцепиентом) опять-таки может быть только живое существо. Из одушевленных существительных здесь встречаются только собирательные со значением живых лиц: *Ты всему коллективу настроение испортил.*

2. Предмет обладания в конструкциях с дательным притяжательным в преобладающем большинстве представляют т. наз. неотчуждаемые субстанции. Сюда относятся части человеческого или животного организма (*борода, волосы, глаза, глотка, голова, горло, кровь, нервы, нос, рот, ноги, сердце, усы, шея; крылья, потроха, рога, хвост, хребет* и т. п.), а также психические и физические явления длительного характера (*душа, жизнь, здоровье, мысль, настроение, сила, температура, ум* и т. п.). Однако неотчуждаемость не представляет самостоятельную категорию русского языка;⁷ высокая частотность „неотчуждаемых“ предметов в сочетаниях с дательным притяжательным вызвана теснейшей связью между обладателем и обладаемым предметом, а не грамматическими причинами. Об этом свидетельствует и тот факт, что в исследуемых конструкциях встречаются и предметы „отчуждаемые“, если их связь с обладателем настолько сильна, чтобы воздействие глагольного действия на обладаемый предмет ощущалось обладателем. Сюда в первую очередь следует отнести названия частей одежды (*воротник, жилетка, рукав, пиджак* и т. д.), затем предметов домашнего обихода (*тарелка*), блюд и напитков и т. д., а также некоторые военные термины, происходящие однако от названий неотчуждаемых предметов (*тыл, фланг*).

Примеры: *Обида и жажда справедливости рвали ей сердце* (Николаева). — *Воспоминание (...)* до сих пор терзало ему душу (Успенский). — *(Он) вцепился мне в куртку* (Чешская сатира). — *(Ты) разбил мне тарелку из сервиса* (там же). — *Надеюсь, что ты не положила мне в вино сахара* (там же). — *Они ударили англичанам во фланг* (Сергеев-Ценский).

Чем свободнее связь между предметом обладания и его обладателем, тем больше нейтрализуется дательный притяжательный, приобретая характер дательного *commodi* или *incommodi*, допускающего замену конструкцией с предлогом *для*. Ср.: *Хозяйка (...) переменяла маленькой Любе пеленки* (Николаева).

3. Связь с действием глагола следует считать конституирующим признаком дательного притяжательного. Приглагольный характер этого падежа сильнее, чем его элемент приименный. Поскольку глагольное действие всегда является динамическим, сильный оттенок динамичности носит вся конструкция. В этом отношении дательный притяжательный не может быть заменен никаким другим адекватным средством. Отношение глагола к дательному притяжательному носит не только синтаксический характер; оно имеет и семантическое наполнение, выражая не одно лишь

⁷ R. Zimek, указанное сочинение, стр. 143.

обладание, но и затронутость обладателя предмета действием. Ср.: *Мать намылила ребенку голову* (при помощи глагола указывается связь между понятиями *голова* и *ребенок*) × *Мать намылила голову ребенка* (между понятиями *голова* и *ребенок* существует лишь атрибутивная связь, без участия глагола).

Конструкции со связкой *быть* не являются динамическими. Даже если дательный в них допускает возможность замены родительным притяжательным, его посессивность следует считать вторичной. Первичное значение таких конструкций или коммодитивное, напр.

-Да-а, в кабаки! Это ему первое удовольствие (Успенский), или ограничительное, в частности у существительных, выполняющих функцию предикативных наречий, напр. *Он валяется, ему скука* (Успенский).

Также репертуар слов, обозначающих „предмет обладания“ в конструкциях со связкой (хотя бы нулевой), отличается от соответствующих слов в динамических конструкциях с глаголом, выражающим действие. Как мы указывали, в конструкциях с динамическими знаменательными глаголами выступают субстанции неотчуждаемые или относительно долговременно связанные со своим обладателем. Конструкции с глаголом *быть*, напротив, содержат названия субстанций, связанных с обладателем лишь непродолжительно, относящихся к нему в течение небольшого отрезка времени (*позор, расчет, скука, удовольствие* и др.).

Также в предложениях *Я ж начальник своему цеху* (Николаева), *Да я же тебе не мама* (Овечкина)

первичное значение дательного — ограничительное. Здесь выражается не постоянное отношение посессивности, а приобретенная должность, сравнение, временное отношение и т. п.

В состав конструкций с дательным притяжательным входят только глаголы, обозначающие целевую направленность. Особого внимания заслуживает тот факт, что в случаях обычного воздействия на живой организм в сочетании с неотчуждаемыми предметами дательный притяжательный употребляется и с глаголами удаления, напр. *Пете вырвали зуб, Раненому ампутировали ногу*. Очевидно, что языком здесь подчеркивается не факт удаления, а факт обладания субстанцией до момента ее удаления. В сочетаниях с отчуждаемыми предметами (и окказионально — с неотчуждаемыми напр. *Если отрубить у саламандры хвост, то через две недели у нее отрастет новый*. Чапек) используется конструкция „у + родительный“.

В отличие от чешского, дательный притяжательный никогда не может употребляться вместе с глаголом, обозначающим состояние: *Dítě jí leželo v náručí* × *Ребенок лежал у нее на руках*.

Наконец упомянем о понятии „заинтересованность“.

Наряду с отношениями, существующими внутри высказывания, дательный падеж способен выражать и отношение говорящего к содержанию коммуникации, т. е. его заинтересованность в отдельных элементах высказывания или в высказывании в целом. В дательном аффективном она выражена эксплицитно, ср.: — *Ты еще мне порассуждай!* (Николаева). В других же разновидностях дательного падежа — в том числе и в притяжательном — она подразумевается имплицитно.⁸ В выражении заинтересованности говорящего дательный притяжательный сходен с конструкцией „у + родительный“, однако контрастирует с родительным притяжательным, выражающим чистую посессивность.

⁸ Ср. I. Poldauf, *The Third Syntactical Plan*, TLP 1, 1964, стр. 241—255.

Типы конструкций

Дательным притяжательным могут быть детерминированы:

1. Аккузативное дополнение

а) в двусоставных предложениях: *С полушутливой, смущенной улыбкой он обнял Игоря и благодарно поворошил ему волосы* (Гранин). — *(Лохматый пес) подошел к Тоне, облизал ей руку* (Гранин). — *Новый ты человек в районе, молодой секретарь, а за такую старину принимаешься, что нам, пожилым, она уже все печенки и селезенки проела* (Овечкин). — *Колхозником хочешь остаться? Быкам хвосты крутить?* (Овечкин). — *Хорошо еще, что не отрезали им головы турки* (Сергеев-Ценский). — *Заковали колодки и вырвали ноздри Сыну крестьянина Тверской губернии* (Есенин);

б) в односоставных предложениях: — *Ну, и как, глаза тебе колет?* (Гранин). — *Щеку разорвало ему осколком бомбы не на фронте, а при эвакуации одного донбасского завода на Урал* (Овечкин). — *Анисимов сам ехал туда (...), во второй раз ногу ему переломило* (Гранин).

2. обстоятельство, выраженное предложно-падежной формой со значением направленности,

а) после переходных глаголов: *Лосев положил руку Игорю на плечо* (Гранин). — *Серезжа взял ее (= шляпу) и снова нахлобучил Кондрату на голову* (Николаева). — *Когда неприятель употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пуцую ему скрытое войско во фланг и тыл* (Огонек),

б) после непереходных глаголов: *(Сладкоумов) боялся попасть на глаза Семену Ивановичу* (Успенский). — *Рославлев из своей бочки гудел в лицо Сагурову* (Николаева). — *Такие агитаторы только на нервы людям действуют* (Овечкин). — *Синенький юркнул ему под плечо* (Николаева). — *Этого мальчишку больше всего заботят тракторы... Играет на руку Малинину* (Гранин).

Родительный притяжательный и его эквиваленты

Родительный притяжательный и его семантические эквиваленты (притяжательные прилагательное и местоимение) выполняют функцию определения. (Случай транспозиции их в сказуемое, напр. *Эта книга моего брата*, выходят за рамки нашей работы.) Они способны передавать разнообразные оттенки посевивности (и более того — отношений вообще), но, с другой стороны, лишены возможности передавать дополнительные сведения. Они не зависят от действия глагола, могут сочетаться с любыми существительными, в отношении динамичности являются немаркированным членом, не способны выражать заинтересованность говорящего в содержании высказывания. Между тем как дательный притяжательный подчеркивает лицо, способное ощущать глагольное действие, происходящее ради этого лица и на него направленное, родительный притяжательный подчеркивает обладаемый предмет. Сфера применения родительного притяжательного (и его эквивалентов) гораздо шире, чем дательного притяжательного, однако передаваемое содержание — вследствие высокой степени абстракции — беднее.

Теоретически всегда возможна трансформация дательного притяжательного в родительный

Метод трансформационного анализа применяет в своих исследованиях напр. И. Заичкова.⁹ Хотя этот метод оказался плодотворным для выявления скрытых качеств языковых средств и для лучшей систематизации, тем не менее мы считаем, что некоторые вопросы с его помощью решены быть не могут. Это относится именно к различиям между дательным притяжательным и родительным притяжательным. Невыясненным остается вопрос, при каких условиях и в каком контексте могут применяться конструкции с родительным притяжательным.

Употребление родительного притяжательного в сочетании с названиями неотчуждаемых субстанций обусловлено, по нашему мнению, стилистически и носит книжный характер, причем на некотором из пройденных этапов развития русского литературного языка не исключено и воздействие французского языка. Напр.: *Я раза два пожал ее руку* (Лермонтов). — *Негромким грудным голосом он говорил, по-своему пристально глядя в глаза капитана* (Сергеев-Ценский). — *Она слегка куснула его ухо* (Гранин).

В живом разговорном языке, на наш взгляд, замена дательного притяжательного в динамических конструкциях типа *Он плюнул себе под ноги* невозможна. Альтернатива *Он плюнул под свои ноги* (пример И. Заичковой) может появиться лишь в крайне необычной ситуации. Вопрос о заменимости дательного притяжательного родительным или его эквивалентами в конкретном контексте может быть решен только узусом.

О том, что возможности трансформации ограничены, свидетельствует и семантическое различие между примерами, приводимыми Н. Павласковой:¹⁰ *Он бросился ей на шею* × *Он бросился на ее шею*. Хотя в глубинной структуре оба предложения имеют тождественное основное значение (посессивности), их конкретным реализациям узус придал значения совершенно противоположные. Тогда как первое предложение обозначает дружеское движение (напр. чтобы обнять ее), второе предложение сообщает о вражеском намерении (напр. чтобы задушить ее).

Конструкция „у + родительный“

Инвариантным значением конструкции „у + родительный“ Р. Мразек и И. Брым¹¹ считают выражение близости (как местной, так в переносном смысле).

Как это ни парадоксально, из этого значения вытекает также значение обособленности и относительной самостоятельности детерминируемой субстанции: если одна субстанция близка другой, то она, тем самым, не может быть тождественной ей.

Значение обособленности и относительной самостоятельности можно проследить во всех контекстуальных значениях исследуемой конструкции,

⁹ J. Zajíčková, *Transformační analýza bezpředložkového adverbálního dativu v ruštině*, *Časopis pro rusistiku* IX, 1964, 4, стр. 202—207. — Иржина Заичкова, Дательный беспредложный в современном русском литературном языке, *Universita Karlova, Praha 1972*.

¹⁰ Н. Павласкова, *К вопросу трансформационного анализа безличных предложений в русском языке*, *Sborník jazykovědných a metodických prací VŠE v Praze a VŠE v Bratislavě*, Praha 1965, стр. 55—62.

¹¹ R. Mrazek—J. Brym, *Sémantika a funkce ruského genitivu s předložkou „u“* (se zřetelem k češtině), *SPFFBU*, 1962, A 10, стр. 99 и след.

указываемых Р. Мразеком и И. Брымом. Затруднений не вызывает местное значение (*У дороги забор*). В ограничительном значении (*У сильного всегда бессильный виноват*) лимитирующая субстанция не совпадает с субстанцией, о которой производится высказывание. Однако эти случаи выходят за рамки настоящей статьи. Большой интерес представляют значение удаления и разные типы значения обладания, соотносительные с чешским дательным притяжательным.

Контекстуальное значение удаления отчуждаемых предметов (*У дяди украли пальто*) опять-таки обусловлено инвариантным значением обособленности этих предметов. В сочетании с неотчуждаемыми предметами, с другой стороны, даже после глаголов удаления применяется, как правило, дательный притяжательный, выражающий однако лицо, ради которого удаление производится, т.е. посессивность, напр. *Раненому ампутировали ногу*. Тем не менее, если подчеркивается самый факт удаления, без учета его воздействия на обладателя, то и в сочетании с неотчуждаемыми субстанциями используется конструкция „у + родительный“. Ср.: *У одного подопытного животного мы ампутировали все четыре конечности* (Чапек). — *Как вел бы себя профессор Реман, если бы кто-нибудь разрушил у него ушной лабиринт?* (там же). Но эти конструкции сравнительно редки и носят окказиональный характер.

Связь между контекстуальным значением обладания отчуждаемыми предметами и инвариантным значением обособленности неоспорима. Напр.: *У мамы часы остановились*.

Более сложное положение обнаруживается в отношении неотчуждаемых предметов. Понятия ‚неотчуждаемость‘ и ‚обособленность‘ применительно к органам тела человека могут показаться несовместимыми. Однако не все факты денотата отражаются в языке прямолинейно. О том, что и органы тела человека языком рассматриваются изолированно, будто бы вне связи с человеком, свидетельствует сравнение со случаями, указанными выше. Собственно говоря, нет никаких оснований для особого поведения языка в отношении к неотчуждаемым субстанциям, поскольку они не представляют самостоятельную языковую категорию.

Если мы в настоящей работе часто употребляем выражения ‚отчуждаемость‘ и ‚неотчуждаемость‘, то это лишь потому, что они тесно связаны с коммуникативной целью исследуемых конструкций: не воздействовать // воздействовать на обладателя через посредство обладаемого предмета.

Конструкция „у + родительный“, так же, как дательный притяжательный, выражает заинтересованность говорящего в содержании высказывания; ср. *Голос у него дрожал* в отличие от немаркированного родительного притяжательного *Голос его дрожал*. В качестве обладателя опять выступает только живое существо; предмет обладания не подлежит никаким лексическим ограничениям.

Наиболее характерной чертой конструкции „у + родительный“ является — по сравнению с дательным притяжательным — отсутствие целевой направленности. Тогда как динамичность дательного падежа была связана с направленным действием глагола, определенная статичность предлога у с родительным в большинстве случаев связана со значением состояния. Иногда наблюдается даже соотнесенность обеих конструкций: *Он положил ей на ладонь цветок* → *Цветок лежал у нее на ладони*. Возможны также

конструкции с глаголом быть: *В руках у нее был медный изломанный кубшин с водой* (Успенский).

Однако связь между „у + родительный“ и глаголом гораздо слабее, чем между глаголом и дательным притяжательным. Это позволяет употреблять *у* с родительным даже в сочетаниях с глаголами движения, если, конечно, движение не направлено на обладателя субстанции. Ср.: *Которые я получил от Максима Петровича мысли, то (...) они у меня из головы не выходили* (Успенский). — *Едкие слезы (...) побежали у нее по щекам* (Грания). — *Со лба у него стекал пот* (Чешская сатира).

Конструкция „у + родительный“ — вследствие своего первоначального значения обстоятельства места — входит как в состав подлежащего (*Глаза у нее блестели = Глаза ее блестели*), так в состав сказуемого (*Окулист осматривал у детей глаза*).

Особенно важно использование *у* с родительным в составе подлежащего. Конструкция „у + родительный“ употребляется в этой позиции в отличие от чешского языка, где и подлежащее (через посредство глагола) детерминируется дательным притяжательным (*Hlas se tu chvěl*). Применению предлога *у* с родительным в составе подлежащего способствует инвариантное значение исследуемой конструкции, т. е. обособленность и относительная самостоятельность обладаемого предмета (*глаза*), так как подлежащее само является в синтаксическом отношении независимым,¹² т. е. в некоторой степени обособленным, членом.

Даже в предложениях, где связь между „у + родительным“ и подлежащим не поддерживается порядком слов (напр. *У Ивана Ильича дрогнуло сердце*), возможность замены атрибутивным выражением (*Сердце Ивана Ильича дрогнуло*) свидетельствует о ее существовании.

В составе сказуемого применение *у* с родительным является правилом при значении удаления в сочетании с отчуждаемыми субстанциями (*У Вани украли велосипед*), а более или менее исключением в остальных случаях. Так напр., в приведенном предложении *Окулист осматривал у детей глаза* подчеркивается профессиональный интерес врача к глазам, причем отношение *окулист — дети* остается невыраженным.

В сочетаниях с упомянутым выше глаголом *целовать* возможны все три конструкции: *Он целовал у нее руку || ей руку || ее руку*. В первом случае опять подчеркивается отношение между элементами *он* и *рука*, во втором затрагивается и „обладательница“ *она*, в третьем выражено лишь чисто посевивное отношение между элементами *она* и *рука*. Притом в первых двух конструкциях выражена заинтересованность говорящего.

Указанные различия между дательным притяжательным и конструкцией „у + родительный“ наблюдаются и в односоставных предложениях, однако вопрос о том, следует ли данную конструкцию понимать как динамическую (направленную) или как статистическую (ненаправленную), решается только языковым узусом. Это относится, в частности, к фразеологическим сочетаниям, содержащим глагол + винительный падеж существительного, обозначающего неотчуждаемый предмет: *Мне уши заложило* × *У меня дух захватило*. Положение гораздо проще в тех случаях, где неотчуждаемый предмет выражен предложно-падежной формой. Если предложное сочетание выражает направленность, используется опять датель-

¹² Ср. J. Bauer—M. Grepl, *Skladba spisovné češtiny*, Praha 1972, стр. 86.

ный (*Ему в уши надуло*); конструкции со статическим словосочетанием содержат *у* с родительным (*У него во рту пересохло*).

Типы конструкций

Сочетанием „*у* + родительный“ могут быть уточнены:

1. Подлежащее

У него губы становились все тоньше (Гранин). — *Сильное тело у них трепещет беспомощно* (А. Толстой). — *Он сейчас же поклонился, потом отвернулся, но у него упала шапка* (А. Толстой). *Если сын у кулака учился в городе в гимназии, то от хозяйства все не отрывался* (Овечкин). — *У него еще отпуск не кончился* (Овечкин).

2. Аккузативное дополнение

а) в двусоставных предложениях: *Окулист осматривал у детей глаза* (Гвоздев). — *Во все время его сватовства теперешняя жена целовала у него руки* (Успенский);

б) в односоставных предложениях: *У меня дух захватило* (узус). — *У меня ломит суставы* (узус).

3. обстоятельство места, выраженное предложно-падежной формой без значения направленности

а) в двусоставных предложениях: *Я чуть было у нее на глазах не разревелась* (Эренбург). — *У меня тогда в глазах слезы стояли* (Чешская сатира). — *Синий плащ висел у него через плечо* (Гранин). — *Телегинские жильцы даже прибили на дверях у нее таблицу этих вопросов* (А. Толстой);

б) в односоставных предложениях: *У меня сосет под ложечкой* (узус). — *У меня рябит в глазах* (узус). — *У меня гудит в голове* (узус). — *У меня отлегло от сердца* (узус).

Несколько другой характер носят

4. глаголы удаления.

Грушницкий на него зол за то, что он у него отбил княжну (Лермонтов). — *Мальчишки утащили у крестьянина курицу* (Огонек).

Эти примеры формально совпадают с типом 2а, однако связь их с глаголом гораздо сильнее и семантическое наполнение другое.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что между родительным притяжательным, дательным притяжательным и конструкцией „*у* + родительный“ существует функциональное размежевание.

Родительный притяжательный является немаркированным членом двух оппозиций: *направленность* — *ненаправленность* и *заинтересованность* — *незаинтересованность*. Он всегда выступает в функции определения.

Маркированными членами обеих оппозиций являются дательный притяжательный и конструкция „*у* + родительный“. Оба языковых средства выражают заинтересованность говорящего в содержании высказывания;

помимо этого дательный притяжательный выражает (динамическую) направленность, а „у + родительный“ — ненаправленность конструкции. Дательный притяжательный и „у + родительный“, таким образом, находятся в отношении комплементарной дистрибуции. Дательный притяжательный, ввиду своей зависимости от глагольного действия, не может быть определенным. Конструкция „у + родительный“ может детерминировать существительное, входящее как в состав подлежащего, так в состав сказуемого.

Дательный притяжательный и „у + родительный“ теоретически всегда могут быть заменены родительным притяжательным, причем сохраняется одно лишь значение чистой посессивности.

Конкуренция дательного притяжательного с конструкцией „у + родительный“ возможна только в приаккузативной позиции в двусоставных и односоставных предложениях. В двусоставных предложениях (*Больному ампутировали ногу* × *У саламандры ампутировали все ноги*) дательный притяжательный выражает затронутость обладателя неотчуждаемого предмета действием, тогда как в конструкции „у + родительный“ выступает значение обособленности обладаемого предмета от обладателя. Предлог *у* с родительным используется также с глаголами удаления в сочетании с отчуждаемыми предметами. В односоставных предложениях (*Мне уши заложило* × *У меня ломит суставы*) решающая роль при выборе правильной конструкции принадлежит узусу.

В остальных случаях наблюдается строгое размежевание функций: если название обладаемой субстанции является подлежащим (*Руки у него дрожат*) или обстоятельством места без значения направленности (*На ладони у нее лежал цветок*), заинтересованная посессивность выражается только конструкцией „у + родительный“; когда название обладаемого предмета выступает в функции обстоятельства места со значением направленности (*Он положил ей цветок на ладонь*), заинтересованную посессивность может выразить только дательный притяжательный.

Функциональное размежевание свидетельствует о сильной грамматикализации исследованных конструкций. Этим они отличаются от чешского дательного притяжательного, который детерминирует динамические и статические словосочетания, придавая значение направленности и тем глаголам, которые в русском языке этого не допускают.

DISTRIBUCE DATIVU POSESIVNÍHO, KONSTRUKCE „у + GENITIV“ A GENITIVU POSESIVNÍHO V RUŠTINĚ

Ze systému ruských jazykových prostředků pro vyjádření posesivnosti jsou v práci zkoumány ty, jejichž ekvivalentem v češtině může být dativ posesivní: ruský dativ posesivní, genitiv posesivní a konstrukce „у + genitiv“.

Dativ posesivní je dynamický pád, vázaný na syntaktické pole slovesa; konstrukce „у + genitiv“ vyjadřuje jistou izolovanost vlastněné substance od majitele; genitiv posesivní vyjadřuje výhradně posesivnost atributivní. Mezi zkoumanými prostředky vznikají dva druhy opozicí: *zaměřenost — nezaměřenost* a *vyjádření zájmové účasti — nevyjádření zájmové účasti*. Genitiv posesivní je v nich členem bezpříznakovým, dativ posesivní a *у + genitiv* jsou členy příznakové. Dativ posesivní a *у + genitiv* stojí ve vztahu komplementární

distribuce, při čemž dativ vyjadřuje zaměřenost a zájmovou účast a *y* + genitiv nezaměřenost a zájmovou účast.

Ke konkurenci mezi dativem posesivním a *y* s genitivem dochází v pozici přiakuzativní ve spojení s názvy částí organismu ve větách dvoučlenných (*Больному ампутировали ногу* × *У саламандры ампутировали ноги*) i ve větách jednočlenných (*Мне уши заложило* × *У меня ломит суставы*). Ve větách dvoučlenných je dativ prostředkem obvyklým, vyjadřujícím, že dějem je zasažen i majitel vlastněné substance. *У* + genitiv vyjadřuje pouze zasaženost vlastněné substance a je prostředkem okazionálním. Ve větách jednočlenných rozhoduje o výběru správné konstrukce úzus.

V ostatních případech je mezi dativem a *y* s genitivem provedena přísná delimitace. Konstrukce *y* + genitiv se vztahuje k vlastněné substancii obsažené v podmětové části věty (*У меня руки дрожат* = *Руки мои дрожат*) nebo ve statickém příslovečném určení místa (*Цветок лежал у нее на ладони*). Dativem přivlastňovacím je vždy determinováno příslovečné určení místa vyjadřující zaměřenost (*Он положил ей цветок на ладонь*).

Ruský dativ posesivní je ve srovnání s češtinou silně gramatikalizován.

